

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ГЛУПЫЙ
НИКИТА

Зинаида Гиппиус

Глупый Никита

«Public Domain»

1932

Гиппиус З. Н.

Глупый Никита / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1932

«Не сразу вышло, конечно, не вдруг; но был он терпелив, малодумен, никогда на судьбу не жаловался, – брал, какая посылалась. И, с течением времен, и многие из здешних, из своих, даже поумнее его, стали ему завидовать...»

© Гиппиус З. Н., 1932

© Public Domain, 1932

Зинаида Гиппиус Глупый Никита

Не сразу вышло, конечно, не вдруг; но был он терпелив, малодумен, никогда на судьбу не жаловался, – брал, какая посылалась. И, с течением времен, и многие из здешних, из своих, даже поумнее его, стали ему завидовать.

Судьба его, с самого начала, была обыкновенная. Взяли из дому, из села Пролазы, повезли далеко, в город, подучили наспех грамоте, ружью, – и на фронт: в окопах лежать, с немцем воевать.

Дома было у Никиты хозяйство, жена молодая, сынишка уж по хате ползал. Да что будешь делать, велят воевать, значит воюй. О немцах, о Вильгельме, товарищи кругом много болтали, да Никита не разбирался: туг был на размышление, ленив, правду сказать.

Писем из дому не получал, – какие там писаки! Вот кончится это все, кончится война, тогда... он не додумывал, и так было понятно, что потом, когда кончится.

Но война еще не кончилась, а Никиту из окопов вдруг взяли, и с прочими опять в город повезли. Стало слышно, будто составят новый отряд и пошлют за море, «французу помогать».

– Отборных молодцов у нашей державы он требует, – пояснял ихний запеваля Федосьев, бойкий парень. – Чтобы подмога им, значит, французам, от нас была.

– Какие это? – спросил Никита.

Федосьев даже удивился.

– Видали дурня? И откуда ты такой взялся, деревня серая! Союзники это, союзные державы. Тебя, гляди, возьмут, ишь видный какой, рослый. Эх, мне бы попасть, посмотрел бы я на французов на этих, какие они есть.

Но Федосьев в отряд не попал, а Иванчука, действительно, зачислили, хотя французами он ничуть не интересовался. Впрочем, он не жаловался: определили – значит, так надо.

Потом все пошло что-то уж очень скоро, одно за другим, все разное, но одинаково Никите не понятное. Не говоря уж, что и путь за море, и люди там, и земля, даже окопы, – все было сразу другое, не похожее, – но и в отряде, меж своих, поднялись неслыханные толки, а вскоре и дела: банты красные понацепляли, галдят, домой будто собираются. Через небольшое время и того пуще: наши, говорят, с немцем замирились, не желаем и мы больше воевать! И пошла форменная ерунда, как вдруг бац! сами французы с немцем замирились, потому что немцы наутек, и война кончилась.

У них ликование, а наш отряд, хватились, половины уж нет. Может, и переправили кого, а кто самосильно скрылся, – неизвестно. Другим, однако, объявили: отправят восвояси, по желанию, опять воевать: с немцем замирились, да теперь с большевиками пошла война.

Никита сначала подумал, было, что какой-то еще новый народ, большеголовый, показался. Потом другие растолковали кое-как, видит – совсем неладное. Воевать ему ни с кем, однако, больше не желалось; но пока он думал, куда теперь податься, что оно все означает, – судьба сама решила дело: остался ни при чем, от других отбившись, один-одинехонек.

В городе Париже, куда-то его свели, русский незнакомый тут вертелся, через него спрашивали, почему в Россию не поехал. Никита вспомнил, что опять воевать и сказал: «Не хочу». И подумал, как прежде: «Вот кончится война, тогда...».

Еще спрашивали, потом дали бумагу и отпустили.

Так он и остался. Сначала город ихний все соображение ему спутал: эка людищей! и все какие-то... Потом ничего. Своих нашел. Не из отряда, а так, своих. Много чудного рассказывали. Никита слушал-слушал и пришел, главное, к такому понятию: надо, пока что, работу искать, нечего проклажаться. А то кончится война, кончится ерунда вся здешняя, ему – из нее и выбраться не с чем.

Работы он не боялся; а работы – как не найти такому молодцу! Сперва взялся за тяжелую, – шутя исполнял; потом видит, другие есть, прибыльнее, хитрости же особенной не требуется. Смышлен был на работу, ко всякой машине сразу сноровку находил, точно нюхом. И глаз имел хороший. Автомобили ихние скоро стали ему – пустое дело. И через немного времени приспособился он таксомоторщиком; был доволен, чего еще искать, ездил.

Знавшие Никиту, из своих, – дивились: как это он экзамен прошел, улицы запомнил и выговорил? Ведь он, дуралей, о сю пору здешнего разговора не знает, а в грамоте и в своей плох. Никита заверял, что чего надо – знает, и хитрости нет запомнить. Почему нет – объяснить, однако, не мог. Правда же была в том, что, не считая здешний язык за язык, запомнил он слова и названия вроде, как винтики в машине, – только не глазом, а слухом, – и куда нужно, прикладывал. Глазом же запоминал их написанными. Так и запомнил слова, касавшиеся машины, езды и денег; другие ему были ни к чему, – не интересовался.

С таксомоторщиками, со своими, компанию водил, но не близкую. Раза два-три только в русском трактирчике погулял, а то был не пьющий. Да и деньги берег: всякий лишний франк в «кассу» стал таскать, когда ему про кассу объяснили.

Завелись у него постоянные клиенты; он уж знал, например, что черноватенького, толстого барина повезет он в глухую улочку Отейля, во вторник, и так уж пригонял, чтоб этого барина захватить. В улочке долго ждать приходилось, иной раз не обедавши; но Никита не роптал и лишнего не настакивал, так что и барин был им доволен.

Вот раз, дожидался так Никита черноватенького, и вздумалось ему промять ноги, походить по тротуару, у машины. Холодно. Был еще день, но от сквористого, тонкого, острого тумана как бы завечерело. Фонари кое-где даже зажглись, – на фонарях туман стал виден: точно сквозь кисейку огонь просвечивает.

В нижнем окошке, рядом с чугунной, узорчатой дверью, тоже засветилась лампочка. Потом дверь приотворилась, и на порог вышла небольшого роста женщина, рыжеволосая, в вязаной кофточке.

– Мсье, – позвала негромко, – мсье...

Никита огляделся, – кругом никого. Значит, его зовет. «Консьержка, швейцариха, – подумал. – И чего такое? Кажись, никому машина не мешает».

Подошел. Женщина скоро-скоро, как все оне здесь, затрещала. Видимо, не бранилась, но о чем-то просила. Никита, конечно, не понял, покачал головой. Догадавшись, женщина пуще застрекотала, но уж помогая себе руками, тыча пальцем то на дверь, то на свое окно. Никите стало представляться, что она зовет его в свою швейцарову комнату, там ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.